

*Посвящается Харлану,
чтобы напомнить ему об открытых
окнах, коварном течении реки Делавар,
двуглавых четвертаках и прочих ловушках.*

Часть 1

НОЧНЫЕ КРЫЛЬЯ

1

Роум — город, возведенный на семи холмах. Говорят, что в один из ранних циклов это была столица человечества. Я этого не знал, потому что моя гильдия была гильдией Наблюдателей, а не Летописцев. И все же, когда я впервые увидел его, в сумерках подойдя к нему с юга, я понял: в прежние времена это наверняка был великий город. Даже сейчас он поражал своими внушительными размерами и был населен многими тысячами душ.

Его костистые башни резко выделялись на фоне заката. Его мерцающие огни манили. По левую сторону от меня небо пылало великолепием красок заходящего солнца. Лазурные, пурпурные, малиновые полосы света змеились и переплетались друг с другом в вечернем танце, приносящем с собой тьму. Справа от меня мир уже поглотила чернота. Я попытался разглядеть семь холмов, но потерпел неудачу. И все же я знал: передо мной тот самый Великий Роум, в который ведут все дороги, и был исполнен благоговейного трепета и глубокого уважения к деяниям наших давно ушедших предков.

Мы устроили отдых на длинной прямой дороге, с расстояния глядя на Роум.

— Это хороший город, — сказал я. — Мы найдем там работу.

Рядом со мной Авлуэла взмахнула ажурными крыльями.

— И еду? — спросила она своим высоким, нежным голоском. — И кров? И вино?

— И это тоже, — сказал я. — Все, что ты назвала.

— Как долго мы шли, Наблюдатель? — спросила она.

— Два дня. И три ночи.

— Если бы я летела, это было бы быстрее.

— Для тебя, — уточнил я. — Ты бы оставила нас далеко позади и никогда больше бы нас не увидела. Тебе этого хотелось?

Она подошла ко мне и потерла грубую ткань моего рукава, а затем прижалась ко мне, словно кокетливая кошечка. Ее крылья развернулись в два широких тонких листа, сквозь которые просвечивал свет заката и вечерние огни города, размытые, искаженные, волшебные. Я почувствовал аромат ее полуночных волос. Я осторожно обнял ее стройное мальчишеское тело.

— Ты знаешь, что я хочу всегда быть с тобой, Наблюдатель. Всегда! — ответила она.

— Да, Авлуэла.

— Будем ли мы счастливы в Роуме?

— Мы будем счастливы, — ответил я, выпуская ее из объятий.

— Мы отправимся в Роум прямо сейчас?

— Думаю, нам следует подождать Гормона, — ответил я, покачав головой. — Он скоро вернется из разведки. — Я не хотел признаваться ей, что устал. Она была всего лишь ребенком семнадцати лет... что ей известно об усталости или возрасте? Я же был стар. Не такой древний, как Роум, но тем не менее.

— Пока мы ждем, — сказала она, — можно мне полетать?

— Полетай, конечно.

Я присел на корточки возле нашей повозки и погрел руки в тепле пульсирующего генератора. Авлуэла тем временем приготовилась к полету. Сначала она разделась, потому что у ее крыльев мало силы и она не может поднимать в воздух дополнительный груз. Изящным и ловким движением она стянула со своих крошечных стоп прозрачные пузырьки и освободилась от малиновой курточки и мягких, пушистых легинсов. Умирующий свет заката подсвечивал ее стройное тело. Как и у всех Воздухоплателей, оно не имело лишних тканей: ее груди были просто шишечками, ягодицы — плоскими, а бедра — такими худыми, что, когда она стояла прямо, между ними был промежуток в несколько дюймов. Могла ли она весить больше, чем квинтал? Лично я сомневаюсь. Глядя на нее, я как всегда почувствовал себя прикованной к земле массой грубой, отвратительной плоти, хотя я и не грузный человек.

На обочине дороги она присела на колени и, упираясь костяшками пальцев в землю и склонив голову, произнесла слова обычного ритуала

Воздухоплателей. Она была ко мне спиной. Ее тонкие крылья затрепетали, наполняясь жизнью, и расправились вокруг нее, словно поднятые ветром полы плаща. У меня с трудом укладывалось в голове, как такие слабенькие крылья могут поднять в воздух даже такое легчайшее создание, как Авлуэла.

Это не были крылья ястреба, а скорее, крылья бабочки — прозрачные, с прожилками, усеянные цветными крапинками, бирюзовыми, алыми, цвета черного дерева. Крепкая связка соединяла их с двумя плоскими мышечными подушечками под ее острыми лопатками; при этом у нее не было ни массивной грудины летающего существа, ни столь необходимой для полета упругой полосатой мускулатуры. О, я знаю, что, взлетая, Воздухоплатели используют нечто большее, нежели просто мышцы, что в их тайне есть некие мистические дисциплины. И все же я, Наблюдатель, скептически относился к более фантастическим гильдиям.

Авлуэла закончила свои заклинания. Она поднялась, поймала крыльями ветер и оторвалась на несколько футов от земли. Она зависла между землей и небом, и ее крылья неистово бились. Ночь еще не наступила, а крылья Авлуэлы были лишь ночными крыльями.

Днем она летать не могла: мощное давление солнечного ветра швыряло ее на землю. Сейчас же, между сумерками и темнотой, было не лучшее время для полета. В тусклом сумеречном свете я видел, как она устремилась на восток, отчаянно махая не толь-

ко крыльями, но и руками. Ее маленькое острое личико было сосредоточенно-хмурым, на тонких губах застыли слова заклинания. Она сжалась в комок, затем резко вытянулась — голова в одну сторону, ноги в другую. Внезапно она зависла горизонтально, глядя вниз, на землю, и ее крылья отчаянно бились. Ввысь, Авлуэла! Ввысь!

И она устремилась ввысь, как будто одной только силой воли победив угасающий свет.

Я с истинным удовольствием следил за ее обнаженной фигуркой на фоне темноты. Я отчетливо видел ее, ибо глаза Наблюдателя зорки. В воздухе она казалась в пять раз выше своего роста, а ее крылья расправились на всю ширину, частично закрыв от меня башни Роума. Она помахала мне. Я послал ей воздушный поцелуй и предложил слова любви. Наблюдатели не женятся и не производят на свет детей, но Авлуэла была для меня как дочь, и я гордился ее полетом. Мы странствовали вместе уже год, после того как впервые встретились в Агюпте, и мне казалось, будто я знал ее всю мою долгую жизнь. Из нее я черпал силы. Я не знаю, что именно я значил для этой девушки и источником чего был для нее: безопасности, знаний, неразрывной связи с днями, предшествовавшими ее рождению. Мне оставалось лишь надеяться, что она любила меня так же, как я любил ее.

Теперь она была высоко. Она крутилась, парила, ныряла, совершала пируэты, танцевала. Ее длинные черные волосы струились вокруг ее головы. Ее тело казалось случайным придатком к двум огромным

крыльям, которые блестели, пульсировали и сверкали в ночной тьме. Она устремлялась ввысь, упиваясь свободой от гравитации, я же чувствовал себя все более тяжелым и неуклюжим. Затем, словно этакая изящная ракета, она резко устремилась в направлении Роума. Передо мной промелькнули подошвы ее ног и кончики крыльев. Еще миг, и она исчезла из вида.

Я вздохнул и, чтобы согреть пальцы, сунул руки под мышки. Как такое может быть, что я озяб и продрог, тогда как обнаженная девушка, Авлуэла, могла радостно парить в небе?

Шел двенадцатый из двадцати часов, и я должен был вновь приступить к Наблюдению. Я подошел к повозке, открыл футляры, подготовил инструменты. Чехлы некоторых циферблатов пожелтели и выцвели. Стрелки индикаторов утратили светящееся покрытие. Пятна морской воды испортили корпуса приборов — напоминание о том, как в Земном Океане на меня напали пираты. Изношенные и потрескавшиеся, рычаги и узлы тотчас же откликнулись на мое прикосновение, стоило мне приступить к приготовлениям. Сначала Наблюдатель молится об обретении чистого и пронизательного разума. Затем создает внутреннюю связь с инструментами. Затем начинается само Наблюдение, выискивая на звездном небе врагов человечества. Таковы были мои умения и мое ремесло. Я крепко сжал ручки и рычаги, выбросил из головы все мысли и приготовился стать продолжением моего ящика с приборами.

Я успел лишь шагнуть за порог и вступить в первую фазу Наблюдения, когда чей-то глубокий, звучный голос окликнул меня сзади:

— Ну что, Наблюдатель, как дела?

Я без сил прислонился к повозке. Когда тебя внезапно отрывают от работы, испытываешь физическую боль. На мгновение мне в сердце как будто вцепились острые когти. Лицу стало жарко, глаза утратили фокус, во рту пересохло. Сбравшись с силами, я принял надлежащие защитные меры, чтобы ослабить метаболическую утечку, и отделился от моих инструментов. Пытаясь по возможности скрыть дрожь, я обернулся.

Гормон, еще один член нашей маленькой компании, подошел ближе и с довольным видом встал рядом со мной.

Он улыбался, глядя на мои страдания, я же не мог злиться на него. Ни при каких обстоятельствах нельзя показывать вашу злость человеку, не состоящему ни в какой гильдии.

— Ты провел время с пользой? — спросил я, сделав над собой усилие.

— И с немалой. Где Авлуэла?

Я указал на небо. Гормон кивнул.

— Что выяснил? — спросил я.

— Что этот город — определенно Роум.

— В этом никогда не было ни малейших сомнений.

— У меня были. Но теперь у меня есть доказательства.

— Неужели?

— В кармане. Посмотри!

Из складок туники он вытащил походную торбу, положил ее на дорогу рядом со мной и раздвинул ее горловину ровно настолько, чтобы засунуть в нее обе руки. Негромко крикнув, он начал вытаскивать наружу что-то тяжелое — нечто вроде белого камня, — длинную мраморную колонну, как я теперь видел, с завитками, изрядно изъеденную временем.

— Из храма Имперского Роума! — торжествующе заявил Гормон.

— Тебе не следовало этого делать.

— погоди! — воскликнул он и снова полез в свою торбу. На этот раз он извлек горсть металлических кругляшков, которые бросил к моим ногам.

— Монеты! Деньги! Ты посмотри на них, Наблюдатель! На них лики Цезарей!

— Кого-кого?

— Древних правителей. Разве ты не знаешь историю прошлых циклов?

Я с любопытством посмотрел на него:

— Ты утверждаешь, что не состоишь ни в какой гильдии, Гормон. Может, ты летописец и скрываешь это от меня?

— Посмотри на мое лицо, Наблюдатель. Разве я могу принадлежать к какой-нибудь гильдии? Разве туда примут Перерожденца?

— Ты прав, — согласился я, глядя на его толстую, как будто восковую, золотистого оттенка кожу, глаза с красными зрачками, искривленный рот. В детстве Гормона кормили тератогенетическими препаратами; он был мутантом, по-своему красивым, но

тем не менее монстром, Перерожденцем, существом вне законов и обычаев человека, которые приняты в Третьем Цикле цивилизации. Для таких, как он, никаких гильдий не существует.

— Это еще не все,— продолжил Гормон. Его торба была бездонной; в случае необходимости в ее сморщенную серую пасть можно запихнуть целый мир, и все равно она останется размером с ладонь. Гормон извлек из нее обломки каких-то приборов, свитки, угловатую вещицу из коричневого металла, не иначе как какой-то древний инструмент, три квадратика блестящего стекла, пять бумажек — бумажек! — и множество других допотопных вещей. — Видишь? — гордо сказал он. — Плодотворная прогулка, Наблюдатель! И это не просто случайная добыча. Все записано, все помечено — культурный слой, предполагаемый возраст, местоположение находок. Здесь у нас многие тысячелетия Роума.

— Имел ли ты право взять эти вещи? — с сомнением спросил я.

— Почему бы нет? Кто их хватится? Кому из этого цикла есть дело до прошлого?

— Летописцам.

— Чтобы делать свою работу, им не нужны предметы.

— Но зачем они тебе?

— Меня интересует прошлое, Наблюдатель. Пусть я и не состою ни в какой гильдии, у меня есть научные интересы. Что в этом такого? Ведь даже мутант может стремиться к знаниям, верно?

— Конечно, конечно. Стремись, если хочешь. Реализуй себя в чем хочешь. Это Роум. На рассвете мы войдем в него. Я надеюсь найти здесь работу.

— У тебя могут возникнуть трудности.

— Как так?

— Не сомневаюсь, что в Роуме и без тебя толпы Наблюдателей. Вряд ли там будет большой спрос на твои услуги.

— Я буду искать милости принца Роума,— сказал я.

— Принц Роума — суровый, холодный и жестокий человек.

— Ты с ним знаком?

Гормон пожал плечами.

— В некотором роде.— Он начал складывать свои находки обратно в походную торбу.— Впрочем, можешь рискнуть, Наблюдатель. Есть ли у тебя иной выбор?

— Нет,— ответил я. Гормон рассмеялся. Я даже не улыбнулся.

Гормон занялся изучением похищенных древностей. Если честно, его слова меня глубоко расстроили. Он казался таким уверенным в себе в этом полном неопределенности мире, этот изгой, Перерожденец, не состоящий ни в какой гильдии, монстр, не похожий на человека. Как он мог оставаться таким хладнокровным, таким спокойным? Он жил без забот, не тревожась о бедствиях, и издевался над теми, кто признавался в своем страхе. Гормон странствовал с нами уже девять дней, с тех пор как мы встретили его в древнем городе на юге, под вулканом на берегу

моря. Я не предлагал ему присоединиться к нам. Он сам влился в нашу компанию, и я уступил просьбе Авлуэлы и согласился его взять. В это время года на дорогах темно и холодно, на них можно встретить множество опасных животных, и старику, путешествующему с девушкой, наверняка был смысл взять с собой сильного, мускулистого спутника, такого, как Гормон. И все же бывали дни, когда я жалел, что взял его с нами, и сегодня был один из таких дней.

Я медленно вернулся к своим инструментам.

— Я помешал твоим Наблюдениям? — спросил Гормон, как будто до него это дошло только что.

— Да, помешал, — мягко сказал я.

— Извини. Тогда начни сначала. Я не буду тебе докучать.

И он одарил меня своей ослепительной кривой улыбкой, полной такой неподдельной искренности, что она затмила собой высокомерие его слов.

Я покрутил ручки, установил контакт с узлами, стал следить за показаниями приборов. Но я не вошел в режим Бдения, потому что чувствовал рядом с собой Гормона и боялся, что, несмотря на обещание не мешать мне, он в самый ответственный момент отвлечет мое внимание.

Наконец я отвернулся от прибора. Гормон стоял на противоположной стороне дороги, подняв голову и вытянув шею, чтобы разглядеть в небе Авлуэлу. Стоило мне повернуться к нему, как он вспомнил о моем присутствии.

— Что-то не так, Наблюдатель?